

УДК 643.63

Кусов Г.В.

Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар)

ПРИНЦИПЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

G. Kussov

Kuban State Technological University, Krasnodar

PRINCIPLES OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE GENERAL THEORY

Аннотация. В статье дан лингвоправовой анализ проблем, возникающих при диагностике вреда чести, достоинству, деловой репутации. Проанализированы действующие принципы института охраны личных нематериальных благ, определены тенденции развития законодательства о диффамации, предложены новые алгоритмы семантических исследований для теории судебной лингвистической экспертизы. В статье описана новая методика диагностики маркеров языка на основе анализа коммуникативных мишеней речевого иллокутивного акта.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, принципы права, теория языкознания, правовой дискурс, коммуникативная мишень, речевой акт.

Abstract. From the angle of forensic linguistics the article analyses the problems occurring at diagnostics of harm done to honor, dignity and business reputation. The current principles of the institute of private non-material welfare protection have been considered. The tendencies of defamation laws development have been traced and new algorithms of semantic studies for the theory of forensic linguistic expertise have been suggested. New methods of diagnosing the language markers are described based on the analysis of communicative goals of a speech illocution act.

Key words: forensic linguistic expertise, principles of right, language theory, legal discourse, communication goal, speech act.

Современный этап становления правового государства в Российской Федерации предъявляет ряд актуальных фундаментальных требований к развитию общей теории права и судебной экспертологии. В наиболее общей форме эти требования можно выразить одним положением: развитие и функционирование подлинно гуманитарного общества должно быть обеспечено высоким уровнем содержания и качества социально-правовых теорий [17, 3]. На сегодняшний день формирование основ теории судебной лингвистической экспертизы не закончилось. Развитие общей теории судебной лингвистической экспертизы зависит от степени обобщения теоретического и практического материала, онтологические признаки которого отражают анализ всеобъемлющей и детальной формализации определенной области знаний с помощью концептуальных научных схем. Общая теория отражает предмет познания целиком; частная теория отражает лишь часть, сторону предмета, группу связей и отношений предмета, то есть не все, а лишь некоторые объективные закономерности действительности, проявляющиеся в данной предметной области [1, 11]. В основе любой осознанной деятельности человека лежат определенные принципы. Смысловое значение слова «принцип» в русском языке — «руководящее начало» или «основополагающая идея». Право, будучи социальным явлением, создаваемым людьми с целью юридического закрепления нормативно-правовых предписаний, направленных на урегулирование общественных отношений, также основано на определенных принципах. Принципы характеризуются определенной субъективностью, ибо формируются в сознании человека. Однако вместе с тем принципы объективны. Объективность принципов права проявляется в том, что принципы отражают уровень развития

правосознания, существующие общественные отношения.

Обращение к судебной лингвистической экспертизе имеет нормативно-правовую основу, утвержденную приказом Минюста России № 36 от 09.03.06, узаконившим виды экспертиз, в том числе и проведение лингвистической экспертизы [11]. Неудивительно, что насколько широк и многообразен может быть круг правовых обстоятельств, требующих для своего решения проведения лингвистических экспертиз, настолько сложен и противоречив предмет лингвистического исследования. В конечном итоге результаты лингвистической экспертизы представляют собой доказательственную базу, то есть факты, имеющие прямое отношение к выводам процессуальных решений по уголовным, гражданским или арбитражным делам. К сожалению, на сегодняшний день не выработано единых правил проведения лингвистических экспертиз, то есть при достаточно высоком уровне понимания всей значимости решаемых лингвистами-экспертами задач не разработана универсальная «Техника проведения лингвистических экспертиз». Технико-процедурное обоснование лингвистической экспертизы должно быть закреплено на законодательном или корпоративном уровне, чтобы избежать казуальности выбора метода ее проведения и избежать мнения о невозможности создания единых критериев лингвистической экспертизы ввиду многозначности семантических единиц или отсутствия методики диагностики речевых актов, вовлеченных в правовой дискурс. Решение проблем техники проведения лингвистической экспертизы зависит, прежде всего, от однообразного понимания лингвистической и юридической терминологии, установления универсальных правил и требований в данной области экспертологии.

Развитие современного языкознания позволило сформулировать лингвистические принципы формирования правил проведения лингвистической экспертизы, основываясь на нескольких положениях (аксиомах) общей теории языка.

1. Язык — это феномен лингвокультуры: язык отражает присущую вещам сущность и имеет этническую самобытность в отражении картины мира.

2. Язык — это продукт деятельности сознания: язык связан с мышлением, эмоции порождают образные ассоциации.

3. Язык — это средство общения: представление о вещах (мысль) управляет выбором языковых средств, так как язык — это и средство коммуникации, и средство манипулирования сознанием.

4. Язык социально детерминирован: язык имеет способность к вторичной номинации, поэтому выступает как средство манифестации «скрытых» символов.

5. Язык отображает модус логической семантики: нельзя утверждать все что угодно, то есть эксплицитное выражение мыслей подчиняется внутренним (структурным) законам языка.

6. Дискурс — социально обусловленная организация системы речи: диагностика лингвистической экспертизы направлена на установление связей между маркерами языка, с одной стороны, и логической интерпретацией (логическими потенциями) таких выражений — с другой [7, 116].

7. Особенность лингвистической экспертизы — интерпретация конечного результата речевой деятельности, отношения по поводу интерпретации выводов речевой деятельности одного из субъектов: статистический учет обработки единиц языка или лингвистический анализ маркеров языка.

Люди, принадлежавшие к одному сообществу, всегда подразумевают в речи больше, чем произносят вслух. Эта подразумеваемая информация, называемая «скрытой», известна практически всем членам данного сообщества и находится как бы в свернутом виде в сознании и подсознании коммуникантов. По афористичному выражению Н.Д. Арутюновой, дискурс — это «речь, погруженная в жизнь» [2, 136], связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте. Исходя

из «двойкой природы экспертизы», В.М. Галкин справедливо предложил все принципы судебной экспертизы поделить на процессуальные и научно—технические (научные) [4, 76]. К частно—научным принципам лингвистической экспертизы относятся следующие установки: 1) определение предмета исследования (исходные позиции в понимании данного явления, его отношение к смежным явлениям, отмежевание от них); 2) определение цели исследования; 3) разработка системы методов данного исследования; 4) оценка степени соответствия результатов проведенного исследования поставленным целям.

Реализация в полном объеме прав и обязанностей гражданина, равно как и защита его прав и свобод, — основные задачи правового государства. В современных условиях защита прав человека стала одной из доминант общественного прогресса, основой которого является общечеловеческий интерес, приоритет общечеловеческих ценностей. Принципы права представляют собой основные идеи, исходные положения или ведущие начала процесса его формирования, развития и функционирования. Отражаясь прежде всего в нормах права, принципы пронизывают всю правовую жизнь общества, всю правовую систему страны. Они характеризуют не только сущность, но и содержание права, отражают не только его внутреннее строение, статику, но и весь процесс его применения, его динамику. Принципы права оказывают огромное влияние на весь процесс подготовки нормативных актов, их издания, установления гарантий соблюдения правовых требований. Принципы права выступают в качестве своеобразной несущей конструкции, на которой покоятся и реализуются не только его нормы, институты или отрасли, но и вся его система. Принципы служат основным ориентиром всей правотворческой, правоохранительной и правоприменительной деятельности. При проведении лингвистической экспертизы всеми субъектами, принимающими участие в ее инициации и анализе, должны приниматься во внимание конституционно закрепленные

принципы охраны прав и свобод человека и гражданина [9]:

— каждому гарантируется свобода мысли и слова;

— не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду; запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства;

— никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них;

— каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом;

— гарантируется свобода массовой информации, цензура запрещается;

— осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

В силу прямого действия Конституции РФ (ст. 15) ее правовые нормы могут применяться правоохранительными органами непосредственно. Вместе с тем следует признать, что установления принципиального характера, содержащиеся в Конституции РФ, требуют для своего применения специального правового механизма, детализирующего условия их применения в федеральном гражданском, административном и уголовном судопроизводстве [19]. Производство судебной экспертизы с учетом особенностей отдельных видов судопроизводства регулируется соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации. Принципы проведения лингвистической экспертизы, составляющие часть общей системы принципов судопроизводства, содержатся также в законодательстве о судостроительстве. Так, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» [20] к числу принципов, положенных в основы организации экспертной деятельности, относит такие установления, как законность,

равенство граждан перед законом и судом, состязательность. Многообразие правовых источников системы принципов уголовного и гражданского судопроизводства свидетельствует об их универсальном значении для организации судебной лингвистической экспертизы.

Лингвистическая экспертиза представляет собой вид лингвистического анализа, назначаемого уполномоченным лицом для выявления юридически значимых фактов. В процессуально—правовом отношении лингвистическая экспертиза — это деятельность, регулируемая соответствующими нормами права (ГПК РФ, УПК РФ, АПК РФ, КоАП РФ) [5, 244]. Из этого следует, что экспертиза — это один из способов, использующихся для получения доказательственной информации, когда такую информацию невозможно получить иным путем. Лингвистическая экспертиза не является обязательным экспертным исследованием и оценивается судебными органами, следователем, органом дознания наряду с иными доказательствами по делу. С точки зрения лингвистики, этот вид экспертизы предполагает исследование представленного для экспертизы материала, устанавливающее истинность (ложность) или возможность (невозможность) словесных высказываний об объекте. При этом существующие к данному времени теории языка и методики исследования лингвистических объектов лежат в основе производства лингвистической экспертизы.

Заметим, что российское судопроизводство в настоящее время имеет большое количество дел, где тексты могут являться источником доказательств, помогающих в раскрытии и расследовании преступлений или в разрешении гражданских споров. Как показывает практика, специальные лингвистические знания нередко помогают в установлении самого факта совершения преступления. Рассматривая правовые принципы экспертизы, В.Я. Колдин выделяет следующие из них: 1) компетентность экспертов, 2) независимость экспертов, 3) законность экспертных процедур, 4) объективность, полно-

та экспертного исследования и соответствие методов и выводов эксперта современному уровню научного и технического знания [9, 672]. Судебная лингвистическая экспертиза в современном судопроизводстве — это уже устоявшийся институт процессуального права [16, 37] и назначается по уголовным (ст. 78, 80, 191, 288 УПК) или гражданским делам (ст. 74, 75, 77 ГПК; ст. 66, 67, 68 АПК), делам об административных правонарушениях (ст. 231, 252 КоАП).

Вместе с тем общая теория судебной экспертизы, сформировавшаяся в правовой науке, основана на единстве интегрированной природы всех родов и видов судебных экспертиз, в том числе лингвистической экспертизы. В содержание этой теории входят обобщенные представления о задачах и объектах судебной экспертизы, субъектах судебно-экспертной деятельности; частные судебно-экспертные теории и учения, основы методологии экспертных исследований, классификация судебных экспертиз и судебно-экспертных методик, информатизация и компьютеризация судебно-экспертной деятельности и ряд других проблем [21]. Говоря об общей теории судебной экспертизы, нужно иметь в виду множество проблем, смежных с уголовно-процессуальными, гражданско-процессуальными и арбитражно-процессуальными, и одна из них — это экспертное заключение, его оценка, основанная и на оценке сущности самого заключения, и на формальных его структурных частях. Определенные задачи, поставленные перед экспертом, представляют собой юридическую сторону экспертизы, а результат лингвистической экспертизы — это текст, основная часть которого строится в виде ответа на запросы суда или стороны информационного спора и содержит выводы по спорным выражениям конфликтного текста или по тексту в целом.

Деятельность эксперта по подготовке и производству лингвистической экспертизы основывается на формально-практических принципах, которые регулируют порядок и научно-практическую направленность экс-

пертного исследования. А собственно само производство лингвистической экспертизы подчинено принципам подготовки «официального документа» с установленным регламентом проведения, регистрации и утверждения. Для записи экспертного заключения используется бланк учреждения, куда послан запрос. Во вступительной части содержатся стандартизированные сведения об экспертах (степень, звание, специальность, стаж экспертной работы), даются указания на основания производства экспертизы и на обстоятельства дела, на научно-методические основы анализа, приводится библиография [8, 59]. В следующей части экспертного заключения содержатся теоретические сведения: алгоритмы анализа и термины лингвистической экспертизы анализируемого вида речевых преступлений; дается характеристика текста, содержащего спорные высказывания, в речевом контексте и с жанрово-дискурсивной точки зрения. Далее идет исследовательская часть лингвистической экспертизы, выполняемая в виде ответов на вопросы суда или стороны конфликта, включая подробный анализ спорных фраз в соответствии с инструментарием лингвистической экспертизы по соответствующему речевому деликту. Заключительная часть — это резюме вопросно-ответной части экспертизы, ее краткие и точные формулировки используются судьями при переводе выводов эксперта в правовую плоскость (наличие или отсутствие состава преступления, то есть вывод о виновности или невиновности ответчика).

О значении заключения эксперта-лингвиста можно судить по тому, что ни в одном процессуальном документе не могут быть отражены фактические данные, выявленные экспертным исследованием, кроме заключения эксперта. Можно добавить, что заключение эксперта-лингвиста является одним из самых важных доказательственных аргументов в судебной практике по делам, связанным с защитой объектов интеллектуальной собственности. Результаты судебной экспертизы позволяют установить сам факт нарушения авторских и смежных прав (на-

пример, когда результаты чужого творческого труда выдают за собственный), а также правильно его квалифицировать, определяя перспективу гражданско-правовой защиты правообладателя или уголовного преследования нарушителей авторских и смежных прав [6]. Обратим внимание, процессы дифференциации научного знания, затрагивающие и специальные юридические знания, приводят к тому, что в настоящее время судья, следователь, дознаватель, лицо, рассматривающее дело о правонарушении, часто являются специалистами только определенных отраслей права и мало ориентируются во всех тонкостях всего современного законодательства, постоянно изменяющегося и развивающегося. Издержки такого развития — принятие порой противоречащих друг другу законов, постановлений и иных нормативных актов. В этих условиях знание основных правовых принципов и тонкостей современного законодательства крайне важно для полного, объективного и всестороннего установления истины по гражданским, административным и уголовным делам. Это касается и работы по использованию результатов лингвистической экспертизы для принятия мотивированного решения.

Соблюдение и исполнение основополагающих принципов права обеспечивается всем комплексом процессуальных норм, регламентирующих общественные отношения в сфере уголовного и гражданского судопроизводства. Нарушение субъектами, участвующими в отправлении правосудия, этих принципов, безусловно, должно вызывать наступление предусмотренной законом ответственности, в частности отмену вынесенных в ходе такого производства решений либо признание собранных при этом материалов не имеющими доказательственной силы. Конституция РФ признает состязательность и равноправие сторон одним из ведущих начал организации уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 123). Осуществление принципа состязательности означает такое построение уголовного судопроизводства, когда функции обвинения и защиты разграничены между собой, отделе-

ны от судебной деятельности и выполняются сторонами, использующими равные процессуальные права для отстаивания своих интересов. Соединение процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела в одном органе или должностном лице несовместимо с законами логики и психологии. Запрет такого нарушения прежде всего относится к суду, так как отступление от этого основного положения принципа состязательности ставит под угрозу само осуществление правосудия.

Оценка доказательств представляет мыслительную деятельность субъектов уголовного процесса по определению допустимости, относимости, достоверности и значения каждого доказательства. Закон называет участников уголовного судопроизводства, для которых оценка доказательств является не только правом, но и обязанностью, так как от их решений зависят движение судопроизводства и формирование окончательных выводов по результатам доказывания. Оценка ими доказательств, таким образом, имеет юридическое значение. Утверждением принципа свободной оценки доказательств законодатель стремится обеспечить процессуальными средствами независимость судей и подчинение их только закону при осуществлении правосудия, а также создать условия для самостоятельности дознавателя, следователя, прокурора при принятии ими решений в пределах предоставленных им прав. Свобода оценки доказательств означает, что закон, указывая перечень источников доказательств, из которых могут быть получены сведения, необходимые для установления подлежащих доказыванию обстоятельств, воздерживается от предписания, какими именно доказательствами должны быть установлены составляющие предмет доказывания элементы. Свобода оценки доказательств исключает предопределение заранее силы тех или иных доказательств, их преимущественного значения.

Государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется при условии точного исполнения требований Конституции

Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, составляющих правовую основу этой деятельности. Нарушение закона при осуществлении судебно-экспертной деятельности недопустимо и влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации. Государственная судебно-экспертная деятельность основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. Вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний. Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место — убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается [15].

В настоящее время в Российской Федерации не кодифицировано законодательство о диффамации, но согласно рекомендациям Пленума Верховного суда приветствуется принцип унификации российского законодательства с общеевропейским законодательством о защите прав человека: «При разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства (статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации), но и в силу статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» учитывать правовую позицию Европейского суда по правам человека, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения данной Конвенции (прежде всего статьи 10), имея при этом в виду, что используемое Европейским судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации

тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности» [14].

Дискуссионным в теоретической литературе остается вопрос о «конкуренции» процессуальных (правовых) и научных принципов. Например, следуя принципу «свободы выражения мнения», суд не вправе требовать от лица, совершившего речевое правонарушение, извинений, так как «никто не может быть принужден к выражению своих мнений». Суд не может удовлетворить исковое заявление лица, если «недостовверная информация в его адрес была выражена в виде мнения». Судебная лингвистическая экспертиза в данном случае выводит аргументированное лингвистическое подтверждение «не соотносящееся в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности» [3, 32]. Указание на отношение сообщаемой информации к «своей» модели мира оказывается способом включить значимую пропозицию сообщения в систему предположений и оценок говорящего, не подлежащих «рассмотрению по существу» в суде. В свете действующей судебной практики вводные конструкции: «по моему мнению», «как мне кажется», «наверное», «по-видимому»,

«наверное», «предположительно» являются эффективными уловками ухода от юридической ответственности за речевые деликты, так как в действие вступает конституционный принцип «свободы выражения мнения». С другой стороны, в демократическом «общеевропейском» понимании «свобода выражения мнения» означает свободу дискуссий по поводу критики социальных явлений или социальных институтов с целью их «улучшения». В судебной лингвистической экспертизе не принимается во внимание, что правовой принцип «свободы выражения мнения» подразумевает установление кооперативных связей в коммуникативном акте (обсудить объект, явление). Конструктивная критика, в какой бы форме она ни выражалась, имеет целью улучшение объекта критики. Эффект коммуникативной перверсии (потеря социальной значимости) наступает вне зависимости от формы категоричности утверждения говорящего. Главная отличительная черта подобного рода выражений — ориентация на антидиалог, вербальная агрессия, нагнетание негативных ассоциаций, акцентирование обидных сравнений. Эксперт, компетенция которого строго ограничена процессуальной нормой, не может в заключении показать что «здоровая полемика в современных СМИ зачастую подменяется критикой не позиции, а личности» [13, 26]. Мнение может подаваться как знание истины, без логического обоснования выносимого «вербального приговора» или «раскрытия форм вины». Свойственный русской лингвокультуре радикализм негативных оценок воспринимается как оскорбление. В судебной практике конкуренция правового принципа поглощает научно-практический принцип «полноты исследования». В общей теории судебной экспертизы должен быть обоснован «фальшивый субъективизм» принципов теории судебной лингвистической экспертизы.

«Развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы

такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надёжной защищённости публичных интересов» [12]. В этой связи важно, что принятые 4 мая 2011 года и утверждённые Д.А. Медведевым «Основы государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» особое внимание уделяют правовым категориям, имеющим отношение в том числе к лингвистическим исследованиям в области криминалистики:

— формирование позитивного правового сознания путем принятия системных мер по противодействию любым формам национального и религиозного экстремизма либо поведения, посягающего на общественную нравственность и правопорядок, гражданский мир и национальное согласие;

— ограничение распространения произведений, прямо или косвенно пропагандирующих непочтительное отношение к закону, суду и государству, правам человека и гражданина, поэтизирующих и пропагандирующих криминальное поведение;

— организация системного мониторинга законодательства Российской Федерации и правоприменения в целях выявления недостатков, пробелов и противоречий в законодательстве;

— введение механизма публичной оценки и рекомендаций в случае предполагаемого распространения произведений и информационных материалов, рекламной продукции, открыто пропагандирующих межнациональную и религиозную рознь, грубое нарушение норм общественной морали, неуважение к закону и суду.

Задачи лингвистической экспертизы — показать участие коммуникантов в социовербальной интеракции, так как ее организация средствами языка носит динамический, системный характер. Коммуникативные позиции отправителя и адресата сообщения объединены единым отношением межличностной интеракции. Осмысление речевой коммуникации как системного процесса позволяет

увидеть не только его дискретный характер, но и его функционирование в качестве необходимого компонента целого — межличностного взаимодействия в обществе. Как отмечает И.Н. Тупицына, «в интеракцию вступают средства трех уровней организации коммуникативных личностей: вербально-семантического (значения лексико-грамматических средств), когнитивного (концепты), прагматического (потребности, мотивы, цели, ценности)» [18, 131]. Алгоритм программы лингвистической экспертизы, основанный на раскрытии иллюкутивной речевой природы оскорбления через имплицатуры коммуникативных мишеней, позволяет «разложить» спорный текст на достаточно четкие и понятные для правоприменителя единицы. В лингвистической экспертизе эксперт раскрывает не вред, причиненный лицу, не мотив, не умысел, не процессуальное решение, а показывает «коммуникативные мишени», через которые достигается оскорбление или вред чести и достоинству, деловой репутации. Коммуникативные мишени — это составные части социального портрета, на которые нацелен речевой акт и которые преподносятся в негативном виде (или, как сказано в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации, «сведения о нарушениях законодательства или моральных принципов поведения») и влияют на искажение восприятия субъекта в ближайшей перспективе социумом. Коммуникативная мишень — это социальная ценность (общечеловеческая), подсознательно включенная в оценочную часть речевого акта «оскорбление». В тексте нет прямой ссылки на социальную ценность, но она подразумевается, так как является индексом оценки лица. В экспертизе как раз для выявления оскорбления раскрывается речевые маркеры коммуникативной мишени, воплощающие смысл негативного социального образа.

Таким образом, решение идентификационных и диагностических задач различных родов судебных экспертиз требует специальных знаний в области лингвистики, без чего невозможна в том числе и собственно линг-

вистическая экспертиза, которая, возникнув как результат потребностей практики в привлечении лингвистических доказательств в конце девяностых годов, оформилась как вид в 2001—2002 гг. с учетом того, что судебная и следственная практика остро нуждались в привлечении лингвистических доказательств. В связи с вышесказанным отметим, что в настоящее время появляются новые виды преступлений, для раскрытия которых необходимо развивать и применять новые виды экспертиз. Между тем требование времени по усилению борьбы с преступностью, по совершенствованию следственной работы сталкивается с несовершенством применяемого комплекса уголовно—процессуальных и криминалистических мер. Уголовно—процессуальное законодательство не содержит императивных норм по применению вновь возникающих в большом количестве новейших методов исследования в ходе расследования преступлений. Если проанализировать экспертную, следственную и судебную работу, то нельзя не заметить особое значение применения новых методов исследований как самим субъектом расследования, так и приглашаемыми им специалистами (экспертами). Однако ведомственные нормативные акты не содержат в достаточной мере руководящих разъяснений и инструкций при дефиците правового регулирования. Долгое время судебно—экспертные исследования проводились случайными лицами, не имея под собой, кроме того, достаточной научно—методической основы. Для судебной лингвистической экспертизы весьма важным необходимо считать понятие метода, определяющего способ достижения цели экспертного исследования. Результат судебной экспертизы во многом зависит как от правильно выбранного научного метода исследования, так и от правильного использования и применения основополагающих правовых принципов организации производства судебной лингвистической экспертизы. Создание основ теории судебной лингвистической экспертизы — первостепенная задача ближайшего будущего.

Литература:

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2009. 480 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136—137.
3. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. 2—е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 592 с.
4. Галкин В. М. О принципах судебной экспертизы по уголовным делам // Сб. науч. тр. ЦНИИСЭ. М., 1970. С. 76.
5. Галяшина Е.И. Использование специальных лингвистических знаний в судопроизводстве // Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М.: Галерея, 2002. С. 244—252.
6. Галяшина Е. И. Судебно—лингвистическая экспертиза в России (в аспекте защиты прав интеллектуальной собственности) [Электронный ресурс]: URL: <http://www.rusexpert.ru/index.php?idp=content&id=150> (17 июня 2011 г.).
7. Демьянков В.З. Логические аспекты семантического исследования предложения // Проблемы лингвистической семантики. М: ИНИОН АН СССР, 1981. С. 115—132.
8. Кара—Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2009. Вып. 1 (27). С. 47—72.
9. Колдин В.Я. Экспертиза как инструмент права // Проблемы юридической техники: сб. статей / Под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 669—692.
10. Конституция Российской Федерации // Российская газета. № 237 25 декабря 1993 г.
11. «О внесении изменений в Приказ Минюста РФ от 14.05.03 № 114 «Об утверждении перечня родов (видов) экспертиз», Приказ Минюста РФ от 09.03.06 № 36 // Новости Консультант Плюс [электронный ресурс]: URL: <http://content.mail.ru/arch/10330/1048039.html> (17 июня 2011 г.).
12. «Основы государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан». Утверждены Президентом РФ 4 мая 2011 года // Российская газета. № 5470. 4 мая 2011 г.
13. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. М.: Флинта, 2011. 160 с.
14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и

- достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. № 3719. 15 марта 2005 г.
15. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета. № 5375. 30 декабря 2010 г.
16. Россинская Е.Р. Тенденции развития института судебной экспертизы в современных условиях // Криминалистика XXI век. Материалы научно-практической конференции 26-28 февраля 2001 года. Том 1. М.: ГУ ЭКЦ МВД России. С. 36-47.
17. Сутужко В.В. Социальная оценка как объект социально-философского анализа: Дис... канд. философ. наук: 09.00.11. Москва, 2004. 174 с.
18. Тупицина И.Н. Речевая коммуникация: личностно-когнитивное измерение. М.: Изд-во РГСУ, 2005. 220 с.
19. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. № 2718. 5 июня 2001 г.
20. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 6 января 1997 г., Ст. 1.
21. Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т.В. Аверьяновой и Е.Р. Россинской. М.: Юристъ, 1999. 552 с.